Елена Скрябина

ПЯТЬ ВСТРЕЧ

(МАРИНА)

МЮНХЕН 1975

Елена Скрябина

ПЯТЬ ВСТРЕЧ

Елена Скрябина

ПЯТЬ ВСТРЕЧ

(МАРИНА)

МЮНХЕН 1975

Посвящается моему другу
Валентине Николаевне Крыловой

Первая встреча

В этот год я готовился поступить в Академию Художеств и хотел осуществить свою заветную мечту — написать полотно: «Девушка на берегах Невы». В поисках модели, я целыми днями скитался по улицам Петрограда, приводя в возмущение моих друзей. Мне неоднократно говорили, что среди знакомых девушек не одна достойна того, чтобы послужить моделью для избранной мною темы. Не хотелось спорить и доказывать, что все эти, даже довольно хорошенькие девицы, не отвечали моему идеалу строгой красоты русской девушки. Свежие и румяные, широкоскулые мои приятельницы явно были обижены и молчали.

Однажды я мрачно брел по Дворцовой Набережной, готовый уже отказаться от осуществления задуманного мною полотна, как вдруг был поражен представившейся моим глазам картиной. В нескольких шагах от меня, в профиль, стояла высокая, худенькая девочка, лет 13, 14 и задумчиво смотрела на бегущие по Неве льдины. Тут же на скамейке сидела пожилая женщина, по-видимому, гувернантка или просто знакомая. Эта девочка поразила меня всем своим изящным, стройным обликом. Обернувшись на мои шаги, она в упор посмотрела на меня. Черты ее лица были прелестны: тонкий, правильной формы нос, яркие, красивого очертания губы, свежий цвет лица, большой открытый лоб. Главное же, что восхитило меня — это великолепные синие глаза с любопытством остановившиеся на мне, ибо я так и застыл на месте, не отрывая глаз от нее. Женщина на скамейке подняла свой взор от книги, которую читала, и тоже вопросительно уставилась на меня. Я поклонился и представился. Действительно она оказалась гувернанткой, англичанкой, очень неплохо говорившей по-русски. Я рассказал, что я художник-самоучка, мечтаю попасть в Академию, чтобы учиться дальше, а теперь занят поисками модели для моего будущего полотна и поражен тем, как ее воспитанница отве-

чает всем моим требованиям. Девочка внимательно прислушивалась. Сначала моя просьба, чтобы ее воспитанница позировала мне хотя бы несколько сеансов, показалась гувернантке настолько дикой, что она ее категорически отвергла, но затем, подумав, предложила переговорить с родителями Марины (так звали девочку) и дать мне ответ через несколько дней. Мы условились встретиться в четверг на этой же скамейке. Это было во вторник на шестой неделе Великого Поста, весной 1916 года. Следующие дни я никуда уже больше не ходил и не искал. Я знал, что лучшей модели, при всем желании, мне не найти. Упорно думал об одном — только бы родители не отказали. Из разговора я понял, что эти люди принадлежат к кругу старой Петербургской аристократии и, следовательно, как мне казалось, должны быть чопорны и уже, ни в коем случае, не разрешат какому-то неизвестному молодому художнику писать портрет их дочери.

В пятницу я был на назначенном месте задолго до прихода Марины и ее гувернантки, мисс Шмидт, как последняя мне представилась при первом знакомстве. Нечего и говорить о том, как я волновался. Велико же было мое изумление и восторг, когда по лицу приближающейся мисс Шмидт, я понял, что мне не отказали. Марина тоже приветливо улыбалась. Вероятно перспектива позировать художнику ей понравилась.

На следующий же день я был представлен родителям. Мисс Шмидт, явно покровительствовавшая мне, была в самом лучшем расположении духа. Видимо, я произвел на нее благоприятное впечатление. Все складывалось в мою пользу. Ни о какой чопорности и речи не было. Родители Марины оказались самыми простыми и милыми людьми. Сеансы начались в присутствии все той же мисс Шмидт и, очень скоро, мы с Мариной сделались настоящими друзьями. Обычно после сеансов я еще оставался на полчаса или час, мы пили чай с вкусными пирожными от Гурмэ и превесело болтали. С портретом я не спешил, во мне росло какое-то для меня еще новое чувство глубокой симпатии и восхищения перед этой очаровательной девушкой-подростком и, уходя домой, я с нетерпением уже ожидал того дня, когда я ее опять увижу.

Так прошел месяц. Портрет подвигался к концу, как, вдруг, я получил телеграмму о кончине моего отца в Симбирской губернии и мне пришлось срочно выехать из Петрограда.

Вторая встреча

Прошло шесть лет. За эти годы я исколесил всю Россию, отслужил несколько лет в Красной Армии, был демобилизован после двух, полученных мною ранений, и опять скитался по улицам голодного, мрачного Петрограда, уже не в поисках модели для моей, так и неоконченной картины, а в надежде найти какую-либо работу. Я настолько был подавлен событиями тех лет, что даже не пытался попробовать найти Марину и ее родителей, считая, что, вне всякого сомнения, все они погибли или бежали за границу.

Однажды я возвращался с Биржи Труда в самом печальном настроении, ибо опять напрасно простоял там несколько часов в очереди в надежде, что окошко заведующего откроется и он выкликнет мое имя. В тот год, год полного развала экономики страны и безработицы, о том, чтобы найти что-либо по специальности не было никакой надежды, а я же все таки упорно добивался, так как даже на фронте работал в разных журналах и газетах по художественной части и мне совсем не хотелось расставаться с любимым делом. Погруженный в свои невеселые мысли, я шел, не замечая прохожих. Вдруг, кто-то окликнул меня по имени. Я поднял глаза и мгновенно узнал Марину. Из прелестной тоненькой девочки, которая еще жила в моем воображении, она превратилась в красивую стройную девушку. Несмотря на то, что ей тоже, по-видимому, жилось нелегко (можно было судить по ее худобе и бледности), она все так же была очаровательна, как в те далекие годы на берегу Невы. Тот же матовый цвет лица, тонкие изящные черты и то же милое выражение красивых синих глаз. Мы пошли вместе, торопясь узнать все подробности о жизни каждого из нас. Перебивая друг друга бесконечными вопросами, смеясь и искренне радуясь нашей встрече, мы добрели до их квартиры на Дворцовой Набережной, той

же самой квартиры, где шесть лет назад я писал ее портрет. Трудно было узнать, сохранившуюся в моей памяти, элегантную квартиру, в этом холодном, мрачном помещении. По-видимому, многие вещи были проданы, а оставшаяся мебель закрыта чехлами. В подъезде не стоял величественный швейцар, а моя доброжелательница, мисс Шмидт, уехала на родину из этой варварской страны, как она стала называть Россию, где днем и ночью убивают на улицах и есть стало нечего. В гостиную вошла мать Марины, сильно похудевшая и изменившаяся почти до неузнаваемости. Отца не было дома. Он тоже безнадежно бегал в поисках какой-либо работы. Мы просидели часа два, вспоминая прошлое. Выпили невкусный чай из моркови с кусочками жареного хлеба (это вместо прежних пирожных от Гурмэ), и я распростился со своими старыми друзьями. Марина успела рассказать мне, что она теперь замужем, уже два года, но очень неудачно. Муж все время без работы, любит выпить. Главное же, что она вышла за него против желания родителей, особенно отца, у которого с горя, в связи с ее ранним замужеством, был сердечный удар и он только недавно совсем оправился. Мать, чтобы поддержать семью, продает в киоске газеты. Я вышел со смешанным чувством: с одной стороны я был счастлив встретить Марину, о которой сохранил такое светлое воспоминание и был рад тому, что несмотря на все, она, по-прежнему, мила и красива. Все же остальное, окружающее ее и то, о чем она мне рассказала, произвело на меня самое удручающее впечатление. Мы оба так бесконечно любили наш прежний красавец-Петербург, с его прямыми чистыми улицами, великолепной Набережной Невы, дворцами и парками и что от всего этого осталось? Все было исковеркано, загрязнено. От прежнего нет и следа.

Мы с Мариной решили, что будем хоть изредка встречаться и, во всяком случае, не потеряем опять друг друга из виду на много лет. Я заходил на Набережную еще несколько раз, но вскоре Марина получила работу в одной провинциальной труппе и уехала из Петрограда. Я только теперь узнал, что у нее был очень приличный голос и она пела в хоре. Таким образом опять я потерял ее и на, как это впоследствии выяснилось, продолжительний срок.

Третья встреча

Вскоре и я покинул Петроград. Моя мать, по кончине отца, переселившаяся в Симбирск, устроила мне работу в местном театре по разрисовке декораций. Это было настоящим спасением для меня. В Петрограде продолжал господствовать голод. Симбирск же, на берегу Волги, с его парками и садами, с окружными селами, снабжающими молоком и другими продуктами, показался мне просто оазисом. Работа тоже была мне по вкусу и давала возможность прилично существовать. В качестве приработка, в свободные часы и по вечерам, я малевал портреты молоденьких симбирячек, в изобилии снабжавших нас с мамой всевозможными дефицитными продуктами. Мы жили совсем неплохо. Единственно мысли о Марине не давали мне покоя, часто вспоминая ее, старался представить что могло с нею случиться в это тревожное время. Она же мне написала единственный раз, сообщив о смерти отца и о своем разводе. Труппу она покинула и переехала обратно в, теперь уже, Ленинград. Адрес мой получила от родителей, к которым я забежал проститься перед отъездом в Симбирск.

Я провел в Симбирске десять лет. Женился. Обзавелся семьей. В 1933 году попал в Москву. В это время вся страна чествовала героев-челюскинцев.[1]) Мне, в числе других художников, было поручено нарисовать огромные плакаты и заняться отделкой кремлевского зала, где должен был состояться торжественный прием героев. Вечером, по окончании работы и в ожидании появления гостей, мы, несколько человек художников, толпились на лестнице, чтобы поближе увидеть проходивших знаменитостей. Я с особым интересом ожидал появления летчика Водопьянова, спасшего жизнь стольким людям, застрявшим во льдах. В ту же

---

[1]) Экспедиция была организована на мыс Челюскин, отсюда и название челюскинцы.

минуту я увидел его, подымавшегося с двумя женщинами. В одной из них, к моему крайнему изумлению, я узнал Марину, ставшую настоящей красавицей. Опираясь на руку Водопьянова, подымалась крупная, несколько располневшая, но все такая же стройная, элегантно одетая, женщина. Синие глаза ее искрились радостью, а губы улыбались всем, встречавшимся на ее пути. Я остолбенел и не знал что мне делать, как обратить на себя ее внимание, что сказать. Она меня уже узнала и еще приветливее заулыбалась, закивала мне головой. Проходя мимо, она быстро шепнула:

— Остановилась в гостинице «Бристоль», после торжества приходите и ждите в гостиной, внизу. —

Парадные двери открылись и они, все трое, прошли в зал под торжественный марш, которым встречали каждого героя в отдельности. От радости и неожиданности встречи, я даже не успел как следует разглядеть Водопьянова.

В тот же вечер мы встретились в гостинице и проговорили до трех часов утра. Я узнал, что в 1929 году Марина переехала к своей подруге, на улицу Декабристов, и снимала в большой квартире одну комнату. У приятельницы на вечеринке познакомилась с инженером Расс. Они стали встречаться. Почти с первых же дней знакомства, молодой инженер увлекся ею и уже через месяц сделал ей предложение. Обвенчались они в том же году и Марина переехала на Петроградскую сторону в квартиру, принадлежащую отцу мужа, где у Петра (имя Расса) была только одна собственная комната. Все складывалось не так уж плохо для Марины, если бы только не брюзгливый характер старика, который в отсутствии сына всячески придирался к веселой, слишком для него шумной, молодой женщине, да к тому же еще отвратительной хозяйке.

— Знаете, Николай, признавалась она мне, — я ведь никогда ничего не умела приготовить, кроме, пожалуй яичницы, да и та, почему-то всегда у меня пригорала. Раньше дома все делала прислуга, потом моя мать как-то сумела скоро войти в новую роль и вела все хозяйство. С первым мужем мы бегали по разным столовым и ели там всегда второпях, чуть не стоя. Вообще на еду никогда не обращали внимания. А тут вот старик требовал от меня таких кулинарных познаний, которые мне и во сне не снились. Наверное за все мои промахи он меня и возненавидел. —

К ее счастью муж, приходя со службы и, узнавая о случившемся за день, всегда брал сторону жены. Так прошло несколько лет и Марина была почти счастливой. Но вот стали организовывать экспедицию на мыс Челюскин и потребовался знающий инженер. Пригласили Петра и он, довольный оказанной ему честью, согласился. Марине пришлось остаться в обществе надоедливого старика, который, проводив сына, совсем перестал стесняться, следя за каждым движением Марины, за каждым знакомым, приходящим ее навестить. Жизнь молодой женщины сделалась сплошным адом. Наконец, ей удалось устроиться на службу, чтобы как можно меньше времени проводить в обществе старика. С обедами же справлялась еще хуже, так как у нее не хватало теперь просто и времени. Вот когда разразилась трагедия. Экспедиционное судно, на котором находился Петр, застряло во льдах, не дойдя до намеченной цели. Несколько недель невероятных волнений, пока, наконец, семьям сообщили, что советские летчики во главе с Водопьяновым спасли всех, а Расса, как тяжело больного, отвезли во Владивосток в особую больницу. Марина немедленно приняла все меры к тому, чтобы получить разрешение поехать за мужем. Ей это удалось.

— Вы не представляете себе каких трудов это стоило, — расказывала она, — сначала и слышать не хотели, потом только смилостивились и я отправилась в дальнее путешествие, ведь дорога туда занимает целую неделю. В поезде я занималась скупкой всех апельсин, я ведь уже знала, что Петр тяжело болен, у него цынга и необходимо было иметь большой запас фруктов. Ко мне относились хорошо, как служащие поезда, так и мои спутники, помогали во всем. —

В конце концов, она добралась до цели путешествия и выхлопотала мужа на поруки из больницы, свободно его оттуда не отпускали, так как он был еще в очень тяжелом состоянии, но Марине казалось, что она его лучше выходит, чем весь персонал больницы. И действительно, по приезде в Москву, он уже несколько окреп, но все же был помещен для окончательного излечения в один из лучших госпиталей.

— А я, как видите, живу в роскошной гостинице, пользуюсь всеми благами земными и, вместо Петра, бываю на всех торжествах. Водопьянову, который то и спас моего мужа, вывезя его со льдины на самолете, поручили меня оберегать и всюду со-

провождать. Завтра будет обед в Кремле, наверное и самого Сталина там увижу, — закончила она свой рассказ.

Я видел ее еще раз за несколько дней до их отъезда в Сочи, куда Петр получил двухмесячную путевку в великолепный санаторий. Марине разрешено было сопровождать его и жить в том же санатории. Марина рассказала мне, что на вечере в Кремле была и Сталина видела в каких-нибудь десяти шагах от себя, только за другим столом. Ее же соседом был Микоян, который ей очень понравился, особенно же, когда угодил ей, заказав на их стол второе блюдо земляники, которую она обожала.

Опять моя милая Марина промелькнула, как комета, обещая известить меня, когда вернется. Я так и не дождался весточки от нее. События 1934 года — убийство Кирова и, последовавшие за этим аресты и ссылки, коснулись и меня. Я был арестован и сослан в Казахстан. Получил еще, можно сказать милостиво, всего восемь лет. В 1940 году за «хорошее поведение» был освобожден и получил минус пять.[2]) О Ленинграде приходилось забыть. Жена, за годы моей ссылки, от меня отказалась и вышла вторично замуж, дочь умерла, а сын служил в Красной Армии, адреса у меня не было, да я и боялся не повредить бы его карьере. Еще в 1936 году скончалась мать. Через знакомых устроился в Псков. К счастью, мог опять работать по профессии — художником.

---

[2]) Возвращавшиеся из ссылки не имели права поселяться в 5 крупных городах Союза: Ленинграде, Москве, Киеве, Харькове и Одессе.

Четвертая встреча

Наступил 1941 год, а спустя почти шесть месяцев разразилась война. В самом начале Псков был захвачен немцами. Об эвакуации я даже не помышлял и несколько дней перед приходом немецкой армии скрывался в подвале у одних близких друзей. Как только немцы укрепились в Пскове, я пошел в комендатуру и предложил свои услуги в качестве переводчика. После тщательной проверки моей биографии, меня нашли вполне благонадежным и приняли.

Глубокой осенью я попал под Ленинград и как-то в ноябре мес., когда сосновый лес, где расположилась наша часть, утопал в снегу, а мороз крепчал с каждым днем, я сидел в маленькой избушке — штабе и писал какие-то сводки, одновременно слушая музыку по радио. Передавали Баядерку. Эта музыка переносила меня в далекое прошлое, когда я жил в Петрограде и любил посещать Мариинский театр.

Без стука открылась дверь и вошла женщина. Это для меня не было большой неожиданностью, так как к нам, в штаб довольно часто заходили, случайно уцелевшие почти на самой линии фронта, жители с разными просьбами. Новопришедшая поразила меня не по сезону легкой одеждой и страшной худобой бледного продолговатого лица. Определить ее возраст было почти невозможно. Я спросил ее по-русски почему она здесь и чего хочет. В ответ она сказала, что, вместе с подругой, которая ждет ее у дверей, она ищет работу прачки. Сказав это, она вдруг засмеялась.

— Прачку, да еще такую веселую, сказал я улыбаясь, конечно возьмем. —

И, когда женщина, перестав смеяться, взглянула на меня большими синими глазами, казавшимися огромными на бледном изможденном лице, я . . . узнал Марину.

В тот же вечер за горячим чаем и закуской, Марина рассказала мне свою историю. После последней встречи со мною на приеме в честь челюскинцев, она провела два месяца с мужем в Сочи, где он окончательно поправился.

— Жизнь в Сочи была просто раем на земле, но раем недолговечным, — рассказывала она.

Через некоторое время по возвращении в Ленинград, она узнала, что у мужа связь с одной сослуживицей, которую он еще знал до брака с Мариной. Эта сослуживица, по имени Зоя, была толстой, коренастой, некрасивой девушкой, да еще вдобавок с ребенком, мальчишкой лет 7, которого она воспитывала одна, ибо герой ее романа давно ее бросил и скрылся куда-то. Даже она, при всей своей ухищренности, не могла его найти. Подозревать Зою в роли любовницы мужа, Марине не могло придти в голову.

— Старик мне очень повредил, говорила она, — как только мы с Петром вернулись счастливые и здоровые из Сочи, он стал зазывать сына к себе и чего, чего только ни выдумывал на мой счет. —

По-видимому, возбужденный подобными разговорами, Петр стал подозрительно относиться к жене. А тут еще Зоя, понявшая всю ситуацию, стала забегать к старику, задабривая его всевозможными подарками и разными услугами. Тучи на Марининой горизонте сгрудились . . . Петр сам сказал ей о своих отношениях с Зоей и объявил, что хочет получить развод. Настаивать и держать его против воли не было в ее характере. Да еще Зоя стала теперь совсем по-хозяйски забираться в квартиру Рассов, готовить отцу обед и язвить по адресу Марины. Последняя была до того убита всем происходящим, что, когда Петр предложил ей обменяться с Зоей комнатами, она согласилась без слез и скандала. Единственный человек, который не оставил ее и поддерживал в это тяжелое время, была вот эта самая Тоня, которую она мне представила как свою приятельницу — простая, почти неграмотная девушка, которую Марина несколько лет назад, вывезя из деревни, пристроила на работу в Ленинграде. Тоня была преданной душой, она переехала вместе с Мариной в новую комнату и пока последняя была без работы, содержала ее на свой скромный заработок. Вскоре Марине удалось устроиться хористкой в театр. Жизнь как-то наладилась и только случайные встречи с Петром и Зоей нарушали покой.

Так незаметно подошел 1941 год. 22 июня Марина с Тоней проводили время на берегу взморья и только вечером известие о войне сообщили им соседи по квартире. Начались и для них дни тревог и волнений, переживаемых всем населением родного города. Так как обе они были бездетные, то их часто отправляли на рытье окопов. Фабрика, где работала Тоня, вскоре эвакуировалась, но Тоня не хотела расстаться с Мариной и осталась в Ленинграде. Когда сотрудников театра мобилизовали на окопы, Тоня была в их числе, ей не только разрешали присоединиться, но рады были лишнему человеку. В конце августа, когда Ленинград уже был в кольце, опять сотрудники театра были посланы на работы. Так как кольцо блокады все сужалось, то ехать не пришлось далеко, но, плохо проинструктированные начальники водили всю группу с одного места на другое и в результате суточного хождения, без сна и отдыха, обе женщины были вконец измучены. К вечеру второго дня вся группа медленно шла по дороге в направлении Ленинграда. С ними поравнялась грузовая машина. Пока другим это еще не пришло в голову, Марина закричала шоферу остановиться и, когда он замедлил ход, обе женщины на ходу вскочили в кузов. Шофер выругался, но все же не выбросил их, тронувшись, по-видимому, их жалким видом и, сопровождаемый просьбами и криками всей толпы окопников, дал газ и понесся вперед. Сначала толпа служащих начала возмущаться оказанному предпочтению, но через несколько минут приостановилась в полном недоумении и ужасе. В каких-нибудь двухстах метрах от них, впереди на дороге, после оглушительного взрыва, стоял столб черного дыма и не видно было ни грузовика, ни людей. Когда несколько человек из группы добежали до места происшествия, то никаких следов Марины, Тони и красноармейцев не нашли. Их нагнали еще несколько грузовиков, забрали всех, предупредив, что немцы совсем недалеко. Никакого сомнения не было в том, что Марина с Тоней погибли. На самом же деле оказалось, что грузовик налетел на мину и обеих женщин воздушной волной выбросило из кузова в придорожную канаву. Сколько времени продолжался обморок, Марина не имела представления. Пришла в себя от того, что кто-то в военной форме обтирал ей, залитое кровью, лицо. Ей показалось, что это был милиционер и она спросила его по-русски. Он же ответил по-немецки. Дорога была уже в руках немцев и военный посоветовал идти в противоположном Ленинграду направлении. Тоня, пришедшая тоже в себя, сопро-

тивлялась и умоляла Марину постараться вернуться в Ленинград. Марина не послушалась ее и они вдвоем поползли по направлению леса.

— А что же было дальше, ведь то был сентябрь, а теперь почти декабрь? — спросил я.

Мне показалось, что Марине не хотелось больше рассказывать, но, вздохнув, она продолжала:

— Три месяца почти мы с Тоней блуждали по покинутым жителями селам и деревням, прячась по подвалам, когда шла сильная стрельба или летели бомбы. Собирали оставшиеся овощи по огородам и полям. Целый месяц, например, питались одной капустой, ибо напали на еще неубранное поле. В одном доме устроились совсем хорошо, нашли там кое-какие запасы, посуду и даже одежду, думали прожить до весны. Пошли за дровами в лес. Началась сильная стрельба. Когда вернулись нашли только груду обломков. В дом попал или снаряд или бомба. Обрадовались тому, что самих не было, а то уже был бы конец. А умирать, знаете, все таки не хотелось! Дальше стало значительно хуже. Неповрежденных домов почти уже не оставалось и запасы все вышли. Наступили холода. Забрались еще в одну лачугу на окраине села. Холод и голод давали себя знать. Наконец дошли до полного отчаяния, я уговорила Тоню пойти в лес, найти красивую елку под которую лечь и ждать смерти. Вспомнилось говорили, что это самая легкая смерть — замерзнуть. Шли, шли, а такая елка все не попадалась. И, вдруг, Тоня первая увидала далеко, далеко огонек. На этот огонь и пошли и нашли Вас. —

Марина умолкла. Она была еще так слаба, что длинный рассказ, видимо, утомил ее. Я отвел их с Тоней в предназначенную для них крошечную комнату деревянного барака, где они могли устроиться на ночь.

Со следующего дня обе женщини были зачислены на солдатский паек и принялись за работу. Даже мне, 43-х летнему здоровому человеку, перенесшему уже и фронт и лагеря, страшно было взглянуть на эти кучи белья, особенно тяжелых белых военных комбинзонов, которые должны были выстирать эти изможденные женщины. Но они не унывали, а маленькая Тоня, с присущим ей чувством юмора, заявила:

— Если протянуть веревку до Ленинграда, как раз бы все белье и поместилось бы. —

Почти каждый солдат нашего штаба старался незаметно сунуть им что-нибудь съедобное, я же боялся одного как-бы, после пережитого голода, они не заболели бы от такого изобилия. К счастью, они не заболели и через некоторое время их удалось перевести на кухню. На их место были взяты двое мужчин, скрывавшиеся в лесах в ожидании прихода немцев. Это была удача.

Я провел с Мариной и Тоней три незабываемых месяца, пока все оставшееся население не было собрано вместе и отправлено в Германию на работы. По просьбе Марины я списался с ее дядей, жившим с начала революции в Дрездене, который и должен был забрать их обеих из эшелона. Это был март 1942 года. На этот раз мне было чрезвычайно тяжело расставаться с Мариной. Жизнь на самом фронте, с ежедневно грозящей опасностью быть убитым, особенно сблизила нас. Никто из нас не был уверен не только в следующем дне, а даже в последующем часе. Знал я тоже, что и в Германии далеко не рай. Из писем, получаемых товарищами, было ясно, что война сильно сказывалась на стране, особенно же остро стоял продовольственный вопрос. Конечно я не мог не беспокоиться за Марину, пережившую уже немало.

Пятая встреча

Еще раз в моей жизни мне случилось увидеть мою мечту ранней юности — мою девушку с берегов Невы... Как и при каких обстоятельствах сейчас расскажу.

Все четыре года войны я провел на немецком фронте, правда не на самом фронте, а скажем в тылу. Но часто и тыл был фронтом. После Ленинграда был на юге, на Кавказе. Много было новых встреч, новых друзей и разных переживаний. Встречал неоднократно своих земляков — Ленинградцев, эвакуированных из голодного, окруженного немецкой армией, города. Но сколько ни расспрашивал, никто не знал мою Марину. Да и трудно было ожидать такого совпадения, ведь в начале войны в Ленинграде насчитывалось больше трех миллионов населения. Наконец, война закончилась. На мое счастье я в это время оказался в маленьком городке на берегу Рейна, где, после ранения, лежал в госпитале. Так как я почти уже поправился, то при первой возможности вышел из больницы, заменив военную форму, давно приготовленным, штатским платьем. Благодаря моему русскому языку ни в ком подозрения не возбудил — приняли меня за одного из многочисленных «остарбейтеров», розбросанных по всей стране. Избежав принудительной отправки на родину, я пошел работать к немецким крестьянам, а, когда началась отправка в Америку, то мне удалось пройти необходимые комиссии и вскоре очутиться в Нью-Йорке. Потянулись годы за годами эмигрантской жизни. Много было тяжелого, невзгод и лишений, но все побеждалось радостным чувством свободы, к которой я так долго стремился.

Настал 1972 год. Опять весна — чудная весна на берегах Гудзона, вроде той необычайно дорогой моему сердцу весны 1916 года, в моем родном любимом городе, на берегах Невы. Только я то уж не был 18-ти летним юношей, полным надежд и сил, а 74-х

летним, хотя и бодрым еще, но все же стариком. Сидел на скамеечке в сквере и, как это свойственно старым людям, вспоминал далекое прошлое, любимый блестящий Санкт-Петербург моего детства, юность в военном Петрограде и, конечно, мою первую и единственную любовь — мою стройную девочку с берегов Невы. Я так задумался, что даже не заметил, как подошла какая-то женщина и опустилась на ту же скамью. Я недовольно посмотрел на эту помеху, нарушившую плавный ход моих мыслей. Но не ушел, а опять старался найти прерванную нить. Вдруг, она заговорила. Так какой-то пустяк о погоде, прелести Гудзона весной. Я недовольно повернулся и замер, вслушиваясь в звук ее голоса. Всмотрелся пристальнее и... узнал Марину. Но может ли это быть? Разве есть что-либо общего с тоненькой девочкой или впоследствии с красивой стройной женщиной и этой грузной, видимо больной, с такой тяжестью опустившейся рядом со мной на скамью? А все таки это была она. Что-то еще осталось от любимого образа: продолговатый овал лица, русые, совсем еще не седые волосы, правильный тонкий нос, а главное несколько посветлевшие, но, по-прежнему, красивые синие глаза:

— Вы меня не узнаете? — спросил я зазвеневшим от волнения голосом.

— Представьте себе я сразу узнала Вас, еще когда подходила к скамейке, а Вы были погружены в Ваши грезы. —

с улыбкой ответила она. Я был до того взволнован, что не знал о чем говорить, с чего начинать, о чем спрашивать. Мне хотелось знать все, все что случилось с ней за эти 30 лет. Она удовлетворила мое любопытство.

— Помните, Вы провожали нас с Тоней, уезжавших в Дрезден? — начала она. — Доехали мы хорошо и были встречены дядей и его семьей на вокзале. Отнеслись к нам ласково, но жить у них мы не могли. Дядя — старый эмигрант, а мы с Тоней — остовцы. Еще по дороге нацепили нам эти значки. Сняли они мне маленькую комнатку у одной немки, а Тоню устроили прислугой к знакомым. Дядя выхлопотал мне разрешение жить на частной квартире, но от значка освободить не мог. Много он мне жизни испортил этот маленький значок! Ни в театр, ни в общественные места, никуда с ним показаться было нельзя. В конце концов, примирилась. Нашли мне работу. Стала жить довольно хорошо. А тут одна приятельница, еще по Ленинграду, оказавшаяся тоже в Германии, прислала мне письмо с одним немецким

офицером. Он стал бывать у меня, а выйти с ним никуда не могла. Страдала от этого очень. Офицер уехал опять на фронт. Писал. Уговаривал выйти за него замуж. Решили отложить до конца войны. Какие теперь свадьбы! А вскоре узнала, что он убит. Горевала очень. 13 февраля 1945 года перевернуло опять всю мою жизнь. Знаете, конечно, как бомбили Дрезден в этот несчастный день? Только успела выбежать из дома, как вся шестиэтажная громадина рухнула за моей спиной. А в подвале были и моя хозяйка, которую я полюбила и Тоня, пришедшая меня навестить, но убежавшая в подвал одной из первых — уж очень боялась она бомбежек, и милая немочка из продовольственного магазина в том же доме, которая вечно подкармливала меня, не требуя карточек. Все, все мои друзья, с которыми я себя чувствовала почти как дома. Падая и опять подымаясь, побежала к дому дяди. Они как раз вышли на улицу и собирались идти куда глаза глядят, только вон из этого ада. Продолжали сыпаться бомбы, взрывались снаряды, рушились дома. Как мы вышли — сама не знаю. Оказались в поле. Переночевали в какой-то деревне, на сеновале, а на утро пошли на Мюнхен. Шли две недели, а затем опять бараки, бомбежки, сирены, жизнь беженцев. Май 1945 года. Конец войны. Приход американцев и начало новой жизни. —

Марина дошла до этого места и остановилась, как будто ей не хотелось рассказывать о дальнейшем. Мое же любопытство было возбуждено до крайности и хотелось все, все знать до самого последнего момента — нашей неожиданной встречи на берегу Гудзона. Я просил ее продолжать.

— Поступила я кухаркой в дом, где жили десять американских офицеров, — продолжала она. — Знание английского языка мне помогло. Но, как Вы знаете, мои кулинарные знания не годились никуда. В первый же день я им все испортила и сожгла. Думала сразу уволят. Нет, не уволили. Офицер хозяйственной части выдал опять все необходимое (кладовая у них ломилась от продуктов), посмеялся над моей незадачливостью и просил быть внимательнее и опять не сжечь все. Вторично удалось на славу и меня даже похвалили. Чем дальше, тем лучше и скоро я себя с ними чувствовала, как со своими. До того разошлась, что раз по просьбе Анны немки-горничной, приготовила обед на восемь человек молодых немцев, вернувшихся из плена. В числе их был и брат Анны и ей очень хотелось отпраздновать возвращение брата и его друзей. Выбрали день, когда наши американцы предупредили нас, что уезжают за город до позднего вечера.

Устроили все роскошно, накрыли в столовой. Чего, чего только я ни напекла и ни наварила! Сели за обед и, вдруг, слышим машина подъезжает. Выглянула в окно и обомлела. В джипе сидят два американца. С быстротою молнии забрали все тарелки в подвал, туда же спустились все гости, а мы с Анной стали заметать последние следы пира. К нашему счастью, американцы даже не вошли в комнаты. В передней лежал забытый ими сверток, за которым они и вернулись. Нашего замешательства никто не заметил, мы же благополучно продолжали прерванный обед. Проработала я у моих американцев целый год, потом их перевели, они меня порекомендовали другим, где я еще проработала несколько месяцев. Теперь уже научилась всему и превратилась, как у нас говорили «в кухарку за повара». Дальше пошло хуже. Вторую часть тоже куда-то перевели, а я не могла сразу найти подходящей работы и устроилась в немецкую столовую подавальщицей. Эта работа была чрезвычайно тяжелой, по вечерам руки ныли от таскания громадных подносов, ноги стали опухать. В это время получаю письмо из Кобленца от подруги детства, зовет туда. Говорит, что можно устроиться на канцелярскую работу к французам, которые оккупировали эту часть Германии. Сама она тоже работает у них и хвалит. Долго не раздумывая, переехала из Мюнхена в Нидерландштейн, где помещалась моя новая служба. Но с французами не поладила, поссорилась с мальчишкой-выскочкой, разыгрывавшим роль большого начальника. Наговорила ему дерзостей, сказала, что без русских все равно бы войну проиграли, так нечего теперь уж очень важничать. Он обозлился и пожаловался высшему начальству. Не ожидая того, что меня выгонят, ушла по собственному желанию и переехала в маленький городок — Бендорф, где у приятельницы был антикварный магазин. Стала продавщицей в этом магазине. Но жизнь в этом маленьком, хоть и очень славном, но все же провинциальном городке, никак не улыбалась мне. Пыталась списаться с разными знакомыми и родственниками, разбросанными по всей Европе. Ответила мне племянница, которая вышла замуж, еще в Ленинграде, за бельгийского дипломата и с ним вместе давно покинула Советский Союз. Теперь они жили под Брюсселем, в поместье этого графа или князя — Бог его знает, во всяком случае титулованного бельгийца. Я обрадовалась, наконец-то моя жизнь изменится досконально — из прачки, кухарки и уборщицы превращусь в даму и буду жить в поместье. Моим мечтам не удалось сбыться. Племянница выписывала меня в качестве няни для своих двух малолетних мальчишек, которые выводили меня из себя полным непослушанием, а родители, племянница и ее

титулованный супруг, будучи отчаянно скупыми, выдавали мне по утрам два тоненьких кусочка хлеба. Промучившись некоторое время, вернулась к своей, теперь уже ставшей «обычной» профессии, поступила кухаркой на этот раз в дом сумасшедших под Брюсселем. Там опять было столько разных происшествий, что дня не хватит все Вам рассказать. Трудно было, но спасло меня от окончательного отчаяния прекрасное отношение старого русского повара. Не чета он был моим титулованным родственникам! Доброты невероятной, снабжал меня всем и утешал в особенно грустные минуты жизни. Но вот в 1952-м году получаю письмо все от той же приятельницы, у которой работала в Германии. Она в Нью-Йорке и предлагает помочь с переездом. Узнаю также, что и двоюродный брат, живший после войны в Мюнхене, тоже перебрался в Америку. Задумываться нечего и в конце года покидаю Бельгию и после длительного путешествия океаном, ступаю на землю нового материка. Теперь прошло уже 20 лет, что живу в Нью-Йорке, полюбила этот город, страну и народ. Американцы напоминают мне русских — непосредственные, гостеприимные. Много видела добра от них. Конечно, работать пришлось тяжело, да и теперь еще не на отдыхе. Занимаюсь хозяйством у одного доктора, отношение хорошее, зарабатываю прилично и могу еще помогать посылками моей старой приятельнице по Ленинграду, в квартире которой я жила и там же познакомилась со вторым мужем. Вот и вся моя история . . . могла бы сказать, что теперь я здесь нашла вторую родину, покой и свободу, которая всегда нам недоставала. Но несколько месяцев назад произошел со мной такой случай под тяжелым бременем которого я нахожусь до сих пор и вряд-ли скоро избавлюсь. Легла я вечером в постель с книгой, как обычно это делаю. Двоюродного брата не было, он уехал на два дня к приятелю за город. В квартире царила полная тишина. За книжкой заснула. Проснулась от какого-то шороха, открыла глаза и увидела надо мной страшное черное лицо . . . «Молчи, а то убью», прошипел он. Я потеряла сознание. На утро соседка, заметив не плотно прикрытую входную дверь, зашла посмотреть и нашла меня на полу у кровати в бессознательном состоянии. В квартире царил полный хаос, ящики все были открыты, по полу разбросаны вещи. Вот с того дня я лечусь, стала просто невменяемой, состарилась на двадцать лет, боюсь всего, даже оставаться в квартире, когда все двери и окна на тройных запорах. С наступлением темноты никуда не выхожу. Двоюродного брата не пускаю уезжать с ночевкой. Жизнь свелась к вечному страху. Знакомые, как огня, боятся нашего дома. Вот и сидим, как сычи, перед телевидением. Хорошо

еще, что аппарат был грабителю, по-видимому, не под силу и он его не забрал. Ну что Вы на это скажете, разве это жизнь? Вернулась бы не задумываясь в Ленинград, да уж поздно теперь и кому я там нужна? Кроме приятельницы, которая живет моими посылками, никого там не осталось. Если вернусь, то и она лишится последней помощи. Нет, уж видно придется так и доживать свой век здесь. —

Марина закончила свой рассказ.

А у меня невольно возник вопрос — стоило ли тогда, в 1941-м году, на лесной дороге под Ленинградом, немецкому солдату приводить в чувство, найденную им в канаве, молодую красивую русскую женщину?

Druck: „Logos“ GmbH, Buchdruckerei u. Verlag, 8 München 19, Bothmerstr. 14